
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 32.019.51:81

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ЭКСПЕРТА-ПОЛИТОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ Н.В. СУНГУРОВСКОГО) CONTENT ANALYSIS AS A METHOD FOR DETERMINING THE POLITICAL PICTURE OF THE WORLD OF AN EXPERT-POLITICAL SCIENTIST (EVIDENCE FROM N.V. SUNGUROVSKY)

О.В. Онопко, Д.И. Борозенец
O.V. Onopko, D.I. Borozenets

Донецкий национальный университет,
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Donetsk national university,
24 Universitetskaya St., Donetsk, 283001

E-mail: onopko.oleg@gmail.com, borozenets.daria@gmail.com

Аннотация

На примере текстов украинского политолога, эксперта в сфере национальной безопасности и обороны Н.В. Сунгуровского, опубликованных в 2017–2019 гг., впервые продемонстрировано применение авторской методики контент-анализа для определения политической картины мира индивида. Исследование заключается в последовательном проведении политико-семантического, политико-лингвистического и жанрового анализа публикаций эксперта. Это позволяет выявить специфику восприятия им отдельных действующих лиц мировой политики (прежде всего коллективного «Запада», России и Украины) и отношений между ними; получить дополнительную информацию об эксперте, степени его вовлечённости в тему, используемых им манипулятивных приёмах. Применение данной методики в политологических исследованиях экспертного дискурса будет способствовать созданию дискурсивных портретов (профилей) экспертов-политологов, а также получению более глубокой информации об экспертном сообществе и политической экспертизе.

Abstract

For the first time the applying of the authors' method of content analysis to identify the political picture of the world is demonstrated. It's made on example of the texts by the Ukrainian political scientist and expert in the area of national security and defense N.V. Sungurovsky, published in 2017–2019. The study consists in the sequential conduction of political-semantic, political-linguistic and genre analysis of expert's publications. The intermediate results of each stage of the work allow 1) to draw the conclusions about how the expert models his political picture of the world; 2) to identify the most frequent and characteristic for him images; 3) to investigate how different political categories are related in his texts; 4) finally, to conclude how deeply the expert understands the problem he writes about. This allows to understand the specifics of his perception of some actors of the world politics (primarily the collective «West», Russia and Ukraine) and the relations between them and to get additional information about the expert, the degree of his involvement in the topic, also the manipulative techniques using by him. Applying of this method in political studies of expert discourse will contribute to the creation of discursive portraits (profiles) of political experts, as well as obtain deeper information about the expert community and political expertise.

Ключевые слова: политическая картина мира, контент-анализ, экспертный дискурс, эксперт-политолог.

Keywords: political picture of the world, content analysis, expert discourse, political expert.

В условиях постправды всё более значимой для понимания и влияния на политическую действительность становится фигура политического эксперта. Тенденциозные экспертные оценки используются действующими лицами политики для манипулирования общественным мнением, создания и продвижения альтернативных политических реальностей, мифологизации политических явлений и процессов. Как отмечает М.М. Мчедлова, «во многом в рассматриваемых координатах «гибридной правды» очень действенны экспертные оценки, которые во многом становятся критерием, определяющим истинность и достоверность знания. Доверие к экспертным мнениям становится первостепенным по важности условием достоверности знаний, аргументов и интерпретаций, меняя саму суть отличий мнения и знаний, конструируя и объясняя картину мира и смыслозначимые координаты политической реальности в соответствии с запросами субъектов политического целеполагания» [Мчедлова, 2017, 147]. С другой стороны, привлечение экспертов позволяет политикам, органам государственной власти, СМИ, корпорациям и другим акторам получать независимые, взвешенные и объективные представления о происходящем в политической сфере, эффективнее вырабатывать, принимать и реализовывать политические решения. Так или иначе, эксперт-политолог всё чаще перестаёт быть беспристрастным наблюдателем политики, но становится её активным сотворцом, чья вовлечённость определяющим образом влияет на легитимность и эффективность принимаемых решений. Отсюда – изучение экспертного дискурса того или иного государства позволяет понять не только меседжи, которые пытаются с помощью публичных экспертов донести до общественности различные политические акторы, но и политическую картину мира самого экспертного сообщества, через свои оценки действительности влияющего на политику.

Под «политической картиной мира» авторы вслед за И.В. Самаркиной понимают подвижную систему «образов и представлений о власти и политике, её структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающую политический мир. Политическая картина мира является результатом интериоризации политического мира как части жизненного мира в индивидуальном и коллективном сознании» [Самаркина, 2013], а её отражением является язык эксперта-политолога. Язык выполняет множество функций, но большинство из них имплицитны. Так, например, идентификационная и суггестивная функции языка практически незаметны, если только не искать способы и результаты их действия целенаправленно. Именно для решения подобных задач создан контент-анализ.

На примере данного исследования будет продемонстрировано, как при помощи новой методики контент-анализа определить такие ключевые моменты, как политическая картина мира эксперта-политолога и идентификация им остальных объектов; воздействие текста на читателя: принципы и возможные результаты.

В теоретико-методологическом плане исследование основывается на уже существующих наработках в сфере политологического изучения политической экспертизы и экспертного дискурса. Авторы принимают во внимание представления о политической экспертизе и об эксперте-политологе как о действующем лице политических процессов, изложенные в работах Л.А. Волынкиной [Волынкина, 2010], А.В. Еленского [Еленский, 2011], М.А. Хрусталёва [Хрусталёв, 2008], К.М. Федерико и М.С. Шнайдер [Federico, Schneider, 2007] (в частности под «экспертом-политологом» в данном исследовании понимается persona, которая в силу сложившихся обстоятельств и (или) личных особенностей обладает эксклюзивными знаниями в определённой предметной области, эрудицией и опытом, а также способностью эффективно применять их для оценки политической действительности). Учтены выводы зарубежных и постсоветских исследователей, которые сквозь призму политической коммуникативистики изучали вопросы, связанные с функционированием экспертного дискурса, в частности, С.В. Данилова [Данилов, 2012], С.А. Калландера [Callander, 2008], Н.А. Медушевского [Медушевский, 2011], Н.В. Тищенко [Тищенко, 2016], И.Ф. Ухвановой-Шмыговой [Ухванова-Шмыгова, Савич, Ефимова, 2009], Р. Хакфельдта [Huckfeldt, 2001], О.И. Хвостуновой [Хвостунова, 2006], А. Хорсбола [Horsbøl, 2010], М.-Л. Хсу и В. Прайса [Hsu, Price, 1993]. Вместе с тем поли-

тическая картина мира как часть экспертного дискурса до сих пор так и не стала самостоятельным предметом изучения в политической науке.

Для решения этой проблемы авторы предлагают воспользоваться методом контент-анализа. Его развитие началось в 1930-е гг., а в сфере политологических исследований его начали использовать в годы Второй мировой войны. В 1960-е гг. применение контент-анализа активизировалось в связи с началом использования в исследованиях компьютерной техники. Задачи данного метода в этот период были достаточно широкими и заключались в анализе разнообразных пропагандистских текстов. В современном мире контент-анализ широко применяется для составления лингвополитических портретов как отдельных персон, так и целых партий или даже государств. Методы, применяемые для анализа контента, позволяют делать определенные выводы о политических взглядах эксперта-политолога, его восприятии мира, лингвистических способах манипулирования и т. д.

Принимая во внимание актуальность изучения экспертного политического дискурса, а также уже существующие исследования в данной сфере, авторы преследовали цель – выявить специфику применения новой методики контент-анализа для определения политической картины мира эксперта-политолога. Для проведения исследования, включающего в себя политико-семантический, политико-лингвистический и жанровый анализ, были взяты авторские тексты директора военных программ Центра Разумкова (Украина) Н.В. Сунгуровского, созданные им в период с августа 2017 г. по июль 2019 г. Выборка представлена двумя жанрами (авторская колонка и видео-комментарий) с целью максимально объективизировать и обобщить результаты.

Н.В. Сунгуровский родился в Москве в 1951 г., полковник запаса, стаж военной службы – 31 год. Согласно информации, представленной на официальном сайте Центра Разумкова, эксперт специализируется на системном анализе, стратегическом планировании в сфере обеспечения национальной безопасности. С 1982 г. занимался научно-исследовательской работой (39-й Научно-исследовательский институт боевого применения войск ПВО сухопутных войск, Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны, Национальный центр оборонных технологий и военной безопасности, Аналитическая служба Аппарата Совета национальной безопасности и обороны Украины); с декабря 1999 г. – координатор программ Центра Разумкова; с февраля 2000 г. – внештатный консультант Комитета по вопросам национальной безопасности и обороны Верховной Рады Украины; последняя должность в государственных органах – заведующий отделом аналитической службы Аппарата СНБО; с декабря 2006 г. – директор военных программ Центра Разумкова [Центр Разумкова, 2006].

Политико-семантический анализ

Первый из исследуемых текстов выделяется на фоне остальных своим заголовком – «Чем грозит возможный выход Ирана из ядерного соглашения» [Сунгуровский, 2017]. По мнению авторов, именно этот текст наиболее ярко характеризует Н. Сунгуровского как человека с антироссийской позицией, для которого в то же время Россия имеет достаточно большое значение: в тексте присутствует параллель с т. н. «российско-украинским конфликтом», которая абсолютно неуместна в рамках данной темы.

Остальные тексты менее показательны в этом плане, так как тема «российско-украинского конфликта» обозначена в них сразу. Однако в то же время каждый текст добавляет деталей к портретам действующих лиц мировой политики в представлении Н.В. Сунгуровского. Так, например, Украина в его представлении слишком слаба и беспомощна, одинока на политической арене, чтобы ожидать помощи: «Ще на самому початку захоплення Криму Україні радили бути обережніше, не провокувати Путіна тощо» [Сунгуровський, 2018]; «Исходя даже из того, что Россия идет вот на такие действия, говорит о том, что в Азовском море у Украины сил недостаточно». «И сравниться с той группировкой, которая есть у России в Азовском море, мы пока не в состоянии»; «Он [фрегат, представленный Украине США] списан, да, но в том положении, в котором находится Украина, в общем-то, харчами не перебирают, как говорится» [Сунгуровский, 2018]; «...нужно вдвое

увеличить коалицию «друзей Украины». Это просто огромная дипломатическая работа. Но кто захочет на себя такую работу взвалить?» [Сунгуровский, 2019].

Условный «Запад» (который в текстах Н.В. Сунгуровского представлен либо как единая фракция, либо как объединение двух политических сил: Европы и США) также предстаёт единцей недостаточно мощной, чтобы помочь Украине противостоять мифической «российской агрессии»: «...я не слышал пока что ни одного выступления, которое бы, скажем так, было в пользу России и её действий в Азовском море. Такую поддержку мы имеем, но, к сожалению, только на словах» [Сунгуровский, 2018]; «З самого початку російської агресії – і це вже визнано всіма – Захід виявився неготовим дати адекватну відповідь» [Сунгуровський, 2018].

Нигде в тексте нет прямых обвинений России, но само строение фраз, их эмоциональный окрас и описание других политических группировок помогают нам понять, что Россия, по мнению Н.В. Сунгуровского, является своеобразной «империей зла», якобы желающей захватить весь мир.

Подобные мысли легко находят отклик у людей, следящих за политической ситуацией, но не способных критически осмыслить получаемую информацию. Суггестивные возможности текста не стоит недооценивать.

Политическая картина мира Н.В. Сунгуровского состоит не только из образов, но и из конкретных слов и тематических групп. Преобладают в его лексиконе слова и словосочетания, так или иначе связанные с военными конфликтами: экономическая блокада, война, военное положение и тому подобное. Результатом постоянного возвращения к схожим темам и оперирования лексикой одной семантической группы, близкими или одинаковыми образами является сильное воздействие на адресанта.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько предоставляемые данные объективны? Определить это также возможно с помощью более глубокого контент-анализа текста, делая упор на его лингвистический аспект.

Политико-лингвистический анализ

Квантитативный этап. Подсчет таких категорий, как абзацы, предложения, словоформы, слова, семантические единства и начальные формы семантических единств, позволяет сделать определенные выводы о лексическом запасе изучаемого эксперта и смысловой насыщенности его текстов. Маленький коэффициент позволяет предположить, что эксперт просто повторяет одну и ту же мысль в нескольких вариациях, а его цель не столько объективно описать ситуацию, сколько внушить конкретные идеи.

В анализируемых текстах соотношение слов с их словоформами составляет 198:412, 130:602, 193:395, 295:582. Большое количество случаев одних и тех же слов и фраз свидетельствует о среднем лексическом запасе эксперта (0,56).

Лексический этап. Рассмотрение лексики текста с точки зрения смыслов, которые она несёт, также позволяет детализировать информацию. Разделение смысловых единиц текста на асемантические (то есть такие, которые не имеют собственного смысла или смысла вне контекста) и автосемантические (то есть такие, которые имеют собственный смысл) элементы определяет степень информативности.

В анализируемых текстах соотношение асемантических элементов (служебных частей речи, местоимений, пустых словарных оборотов) к автосемантическим (ценностным, общественно значимым, тематическим и т. п. единицам) составляет 44,1 % : 55,9 %. Информативная составляющая лишь на немного превышает семантически пустые единицы (рис. 1).

На примере данной обобщенной таблицы можно увидеть, как в речи Н.В. Сунгуровского соотносятся различные лексические категории. Преобладают здесь лексемы категории *Другое*, разрыв между ними и следующей по количеству категорией – *Сценарными лексемами* – составляет 132 единицы. Эксперт употребляет большое количество тематически нейтральных слов, которые могут одинаково употребляться в разных текстах. Непосредственно связанными с политикой являются слова таких категорий, как «*общественно значимые*», «*тематические*», «*энциклопедические*». Их доля достаточно

велика в текстах Н.В. Сунгуровского, однако соотношение между количеством слов и словоформ довольно небольшое. Это позволяет заключить, что эксперт подводит все свои тексты к одной теме и рассуждает всегда одними и теми же категориями.

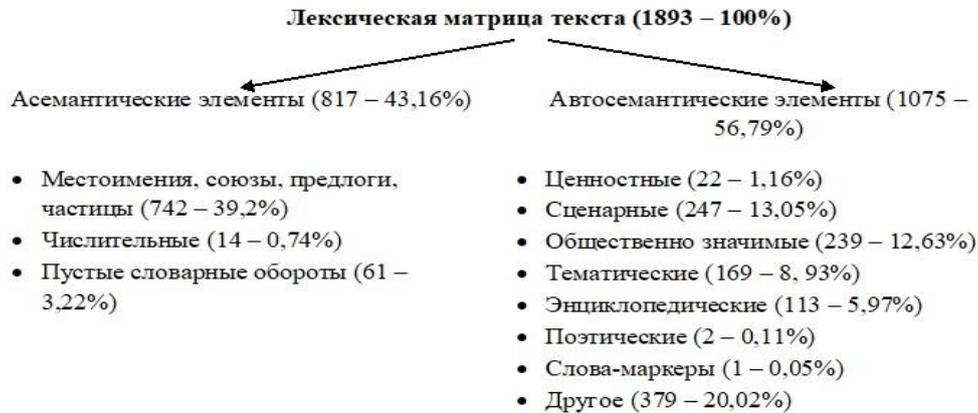

Рис. 1. Средние показатели лексического этапа контент-анализа текстов Н.В. Сунгуровского
Fig. 1. Average indicators of the lexical stage of the content analysis of texts by N.V. Sungurovsky

Интерес при анализе представляет определение тона отдельных лексем, их сочетаний и предложений. В данных текстах негативно-tonированные единицы преобладают над позитивно-tonированными, однако в целом все тексты нейтральны. Причины этого, во-первых, в большом количестве нейтральных слов, а во-вторых, в процессе нейтрализации лексем в пределах предложения: «То есть война (–) или есть, или её нет» [Сунгуровский, 2018]. Нейтрализация связана, помимо прочего, с посылом, который делает эксперт: предложения, в которых просто констатируется факт, всегда будут нейтральными.

Синтаксический этап. Большое значение для определения степени вовлечённости эксперта в то, о чём он говорит, имеет синтаксическая матрица текста, то есть обобщённая информация о построении предложений (рис. 2).

Синтаксическая матрица текста

Предложения		
По структуре	По эмоциональной окраске	По типу
(141 предложение – 100%)	(141 предложение – 100%)	(141 предложение – 100%)
<ul style="list-style-type: none"> • Простые (65 – 46,1%) • Сложносочиненные (16 – 11,35%) • Сложноподчиненные (23 – 16,31%) • Сложные с разными типами связей (30 – 21,28%) • Бессоюзные сложные предложения (7 – 4,96%) 	<ul style="list-style-type: none"> • Невосклицательные (141 – 100%) 	<ul style="list-style-type: none"> • Невопросительные (133 – 94,33%) • Вопросительные (8 – 5,67%)

Рис. 2. Средние показатели синтаксического этапа контент-анализа текстов Н.В. Сунгуровского
Fig. 2. Average indicators of the syntactic stage of the content analysis of texts by N.V. Sungurovsky

В случае с текстами Н.В. Сунгуровского получены следующие данные: небольшая доля риторических вопросов, обилие парцеллятов, относительно равномерное распределение семантической нагрузки между разными по структуре предложениями. Наблюдается объяснимая зависимость синтаксической матрицы от жанра текста. Так, например, в видеоконментарии риторических вопросов, которые выполняют роль предложений-скреп, больше, чем в авторской колонке.

Достаточно большое количество простых предложений вызвано парцелляцией. Она, как и обилие сложных конструкций, используется экспертом неуместно. Он при помощи знаков препинания и интонации разделяет цельные блоки информации, помещая их

в разные предложения: «Ще говорити про те, що змінюються оцінки західних, у тому числі європейських, країн щодо агресивної поведінки Путіна. І в цьому є сенс. Оскільки досі ресурсні можливості країн Заходу залишають бажати кращого» [Сунгуровський, 2018]; «Потому что здесь участвует, в общем-то, всё население. То есть война или есть, или её нет. Не бывает войны локальной в каком-нибудь регионе. Война всегда для государства – это тотальное явление» [Сунгуровский, 2018]. Это приводит к тому, что информация дробится, её становится сложно воспринимать цельно.

Жанровый анализ

Большой интерес представляет анализ отдельных жанров. Он обобщает данные, полученные ранее. Оба представленных в нашей выборке жанра – авторская колонка и видеокomentarий – достаточно близки, поскольку относятся к публицистическому стилю и направлены в первую очередь на широкую аудиторию, однако у них есть и отличительные черты. Так, видео-комментарий – это устное, заранее не подготовленное выступление, в то время как авторская колонка представляет собой письменно зафиксированный и тщательно выверенный текст.

Устная речь Н.В. Сунгуровского, доступная нам для анализа в видео-комментарии [Сунгуровский, 2018], предоставляет следующую информацию. В этом тексте доля асемантических элементов превышает долю автосемантических (53,89 % : 46,11 %), что вызвано частыми повторами и заминками. Однако соотношения слов разных категорий позволяют предположить, что тема, о которой идет речь (действия России в Азовском море), достаточно известна эксперту: в тексте присутствует большое количество *общественно значимых* и *тематических* слов. Некоторые мысли озвучиваются экспертом несколько раз подряд, что можно трактовать двояко: во-первых, это может быть манипулятивным, суггестивным приемом, направленным на внедрение определенных мыслей в сознание адресата, а во-вторых, они могут рассматриваться как пустые словарные обороты, призванные каким-либо образом скрепить отдельные части текста.

В авторских колонках присутствуют другие характерные жанровые черты: так, здесь соотношение между асемантическими и автосемантическими элементами меняется в пользу последних (как результат исправления и осмысления уже созданного текста) и практически исчезают риторические вопросы. Однако в целом политическая картина мира, представленная обоими жанрами, одинакова.

Помимо указанных, существуют и другие этапы предложенной методики контент-анализа, направленные преимущественно на анализ политико-лингвистического портрета эксперта-политолога. Результаты исследований можно применить для создания текстов, аналогичных исходным. Авторы могут оперировать теми же темами, использовать те же лексические средства и синтаксическую структуру. Искусственно созданные тексты этого плана могут выполнять те же функции, что и настоящие: отражать политическую картину мира как её видит конкретная отдельная личность, внушать определённые установки и так далее.

Таким образом, предложенная в статье методика контент-анализа позволяет достаточно точно определять политическую картину мира эксперта-политолога, а также выявлять дополнительную информацию о нём, его интенциях, типичных для его речи манипулятивных приёмах; предполагать его заданность по тем или иным политическим вопросам. Применение данной методики в политологических исследованиях экспертного дискурса будет способствовать созданию дискурсивных портретов (профилей) экспертов-политологов, а также получению более глубокой информации об экспертном сообществе в целом.

Список литературы

1. Вольныкина Л.А., 2010. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений. Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология, 4 (10): 88–91.
2. Данилов С.В., 2012. Власть и стратегии коммуникации в модернизирующемся обществе: рискогенное измерение. Известия Саратовского университета, 12 (4): 14–18.

3. Еленский А.В., 2011. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности. Вопросы философии, 2: 57–69.
4. Медушевский Н.А., 2011. Экспертное сообщество в политической сфере в конце XX – начале XXI века, Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 32.
5. Мчедлова М.М., 2017. Эпистемологическая проекция феномена «постправды». Политика постправды и популизм в современном мире, СПбГУ, 147.
6. Самаркина И.В., 2013. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 3 (23): 117–127.
7. Сунгуровский Н.В. 2017. Чем грозит возможный выход Ирана из ядерного соглашения. URL: <https://www.unian.net/world/2084386-chem-grozit-vozmojnyiy-vyihod-irana-iz-yadernogo-soglasheniya.html> (дата обращения: 23 сентября 2019).
8. Сунгуровский Н.В. 2018. Военные действия России на Азове противоречат правилам международных отношений. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3LtbyfwrWAo&t=12s> (дата обращения: 23 сентября 2019).
9. Сунгуровский Н.В. 2019. Мир на Донбассе. К чему ведёт Зеленский. URL: <https://nv.ua/opinion/ukaz-zelenskogo-normandskiy-format-novosti-ukrainy-50032887.html> (дата обращения: 23 сентября 2019).
10. Сунгуровський М.В. 2018. Велика війна в рукаві: Путін буде підривати Україну іншими методами. URL: <https://apostrophe.ua/ua/article/society/accidents/2018-03-13/bolshaya-voyna-v-rukave-putin-budet-podryivat-ukrainu-drugimi-metodami/17382> (дата обращения: 23 сентября 2019).
11. Тищенко Н.В., 2016. Властный дискурс. Дискурс Пи, 1 (22): 139–141.
12. Ухванова-Шмыгова И.Ф., Савич Е.В. Ефимова Н.В., 2009. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика (Выпуск 6), ИЦ БГУ: 216.
13. Хвостунова О.И., 2006. Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 24.
14. Хрусталёв М.А., 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО: 232.
15. Центр Разумкова. Микола Сунгуровський. 2006. URL: <https://www.razumkov.org.ua/avtor/mykola-sungurovskiyi>. (дата обращения: 23 сентября 2019).
16. Callander S.A., 2008. Theory of Policy Expertise. Quarterly Journal of Political Science, 3: 123–140.
17. Federico C.M., Schneider M.S. 2007. Political Expertise and the Use of Ideology: Moderating Effects of Evaluative Motivation. Public Opinion Quarterly, 71 (2): 221–252.
18. Horsbøl, A., 2010. Experts in Political Communication: The Construal of Communication Expertise in Prime Time Television News. Journal of Language and Politics, 9 (1): 24–49.
19. Hsu M.L., Price V. 1993. Political Expertise and Affect: Effects on News Processing. Communication Research. Available at: <http://www.doi.org/10.1177/009365093020005003>. (accessed 23 September 2019).
20. Huckfeldt R., 2001. The Social Communication of Political Expertise. American Journal of Political Science, 45(2): 425–438.

References

1. Volynkina L.A., 2010. Rol' politicheskoy jekspertizy v processe prinjatija politicheskikh reshenij [The Role of Political Expertise in Political Decision-Making]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Sociologija. Politologija [News of the Saratov University. Series Sociology. Political Science], 4 (10): 88–91 (in Russian).
2. Danilov S.V., 2012. Vlast' i strategii kommunikacii v modernizirujushhemsja obshhestve: riskogennoe izmerenie [Power and Communication Strategies in a Modernizing Society: a Risk-Based Dimension]. Izvestija Saratovskogo universiteta [News of the Saratov University], 12 (4): 14–18 (in Russian).
3. Elenskij A.V., 2011. Politicheskaja jekspertiza: genezis, ponjatje i kognitivnye vozmozhnosti [Political Expertise: Genesis, Concept, and Cognitive Opportunities]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2: 57–69 (in Russian).
4. Medushevskij N.A., 2011. Jekspertnoe soobshhestvo v politicheskoi sfere v konce XX – nachale XXI veka [The Expert Community in the Political Sphere in the Late XX – Early XXI Century], Abstract. dis. ... cand. pol. sciences. Moscow, 32 (in Russian).
5. Mchedlova M.M., 2017. Jepistemologicheskaja proekcija fenomena «postpravdy» [Epistemological Projection of the «Post-Truth» Phenomenon]. Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire [Post-Truth Politics and Populism in the Modern World], SPbGU, 147 (in Russian).

6. Samarkina I.V., 2013. Politicheskaja kartina mira: opyt konceptualizacii i interpretacii [Political Picture of the World: Experience of Conceptualization and Interpretation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science], 3 (23): 117–127 (in Russian).
7. Sungurovskij N.V. 2017. Chem grozit vozmozhnyj vyhod Irana iz jadernogo soglasheniya [What Does Threat Iran's Possible Withdrawal from the Nuclear Agreement]. Available at: <https://www.unian.net/world/2084386-chem-grozit-vozmozhnyiy-vyihod-irana-iz-yadernogo-soglasheniya.html> (accessed 23 September 2019) (in Russian)
8. Sungurovskij N.V. 2018. Voennye dejstvija Rossii na Azove protivorechat pravilam mezhdunarodnyh otnoshenij [Russia's Military Operations in Azov Contradict the Rules of International Relations]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3LtbyfwrWAO&t=12s> (accessed 23 September 2019) (in Russian).
9. Sungurovskij N.V. 2019. Mir na Donbasse. K chemu vedjot Zelenskij [Peace in the Donbass. What Zelensky leads to]. Available at: <https://nv.ua/opinion/ukaz-zelenskogo-normandskiy-format-novosti-ukrainy-50032887.html> (accessed 23 September 2019) (in Russian)
10. Sungurovskij M.V. 2018. Velika vijna v rukavi: Putin bude pidrivati Ukraïnu inshimi metodami [Great war up its sleeve: Putin will undermine Ukraine by other methods]. Available at: <https://apostrophe.ua/ua/article/society/accidents/2018-03-13/bolshaya-voyna-v-rukave-putin-budet-podryivat-ukrainu-drugimi-metodami/17382> (accessed 23 September 2019) (in Ukrainian).
11. Tishhenko N.V., 2016. Vlastnyj diskurs [The discourse of Power]. Diskurs Pi, 1 (22): 139–141 (in Russian).
12. Uhvanova-Shmygova I.F., Savich E.V. Efimova N.V., 2009. Metodologija issledovanij politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy soderzhatel'nogo analiza obshhestvennopoliticheskikh tekstov [The Methodology of Political Discourse Research: Current Problems of Meaningful Analysis of Social-Political Texts]. Politicheskoe pole Belarusi glazami diskurs-analitika [The Political Field of Belarus through the Eyes of Discourse Analyst] (Vypusk 6), IC BGU: 216 (in Russian).
13. Hvoshtunova O.I., 2006. Jeksperty kak suboekt politicheskogo diskursa v SMI [Experts as a Subject of Political Discourse in the Media]. Abstract. dis. ... cand. pol. sciences. Moscow, 24 (in Russian).
14. Hrustal'jov M.A., 2008. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow: NOFMO: 232 (in Russian).
15. Razumkov Center. Mikola Sungurovskij. 2006. Available at: <https://www.razumkov.org.ua/avtor/mykola-sungurovskiyi> (accessed 23 September 2019) (in Ukrainian).
16. Callander S.A., 2008. Theory of Policy Expertise. Quarterly Journal of Political Science, 3: 123–140.
17. Federico C.M., Schneider M.S. 2007. Political Expertise and the Use of Ideology: Moderating Effects of Evaluative Motivation. Public Opinion Quarterly, 71 (2): 221–252.
18. Horsbøl, A., 2010. Experts in Political Communication: The Construal of Communication Expertise in Prime Time Television News. Journal of Language and Politics, 9 (1): 24–49.
19. Hsu M.L., Price V. 1993. Political Expertise and Affect: Effects on News Processing. Communication Research. Available at: <http://www.doi.org/10.1177/009365093020005003>. (accessed 23 September 2019).
20. Huckfeldt R., 2001. The Social Communication of Political Expertise. American Journal of Political Science, 45(2): 425–438.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Онопко О.В., Борозенец Д.И. 2020. Контент-анализ как метод определения политической картины мира эксперта-политолога (на примере Н.В. Сунгуровского). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 170–177. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177

Onopko O.V., Borozenets D.I. 2020. Content analysis as a method for determining the political picture of the world of an expert-political scientist (evidence from N.V. Sungurovsky). Via in tempore. History and political science, 47(1): 170–177 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177